
Автор представлен членом Художественного совета **Зиновием Антоновым**

Мама варит суп

Мама варит суп
Может даже борщ
Я считаю вслух
Ой скорей бы ночь

В супе будет лук – фууууу
А еще морковь – бееее
Я то знаю толк
В маминой еде

Сяду напишу
Что вообще я ем
Я люблю лапшу
И ванильный крем

Чую там еще
Сотни две котлет
И опять там лук
Или винегрет

Я сижу в углу
Рядом суп стоит
Съем – пойду гулять
Там где жизнь кипит...

У сестры ангина

У сестры ангина
Ей дают лекарства
Вкусные конечно
Как это ужасно

Мама её любит
Чай несёт с малиной
На руках качает
Как это противно

Доктора всё время
Горло проверяют
Кто б меня проверил!
Счас они узнают!

Я прилёг со стоном
Мама прибежала
«Что с тобой случилось?»
Запереживала!

Градусник коварный...
Весь мой план испортил!
Бегаю от мамы...
Занимаюсь спортом!

Рыбалка

Не идут мне рыбки в руки
И не прыгают в сачок!
Рыбки плавничками крутят
И смеются «дурачок!».

Я конфеты сыпал в море,
Там же их потом и ел.
Рыбки прыгали в прибое
И кричали «обалдел?!».

Я ловил их даже сеткой
Очень модной, голубой.
Вон, сестра пошла за веткой...
Чую, скоро будет бой...

... Оказалось это платье,
А не сетка рыбака.
Эх, хорошее занятие!
Жаль, тяжёлая рука

У сестры. Как и характер.
Всё равно её люблю!
Завтра вместе на рыбалку.
Всё с начала повторю!

Они жили вместе три тысячи лет

Они жили вместе три тысячи лет.
Они помнили всё. Даже потоп.
Он берег её нежно от всяческих бед.
А она выжимала яблочный сок.

Они долго гуляли по вечерам,
А рабочий день или выходной
Это было неважно. И по дворам
Дотемна возвращались они домой.

Дома часики с птицей ходили вдаль.
А большой абажур начинал рассвет.
И искрился фужером её хрусталь
Обещая обоим им много лет.

Много лет и прожили. За сутки – три.
Он заснул на рассвете и был таков.
А она долго чистила апельсин.
У неё аллергия на яблок сок.

Пчела

Заснув,
Я видел чистое пространство.
И скатертью укрытые столы.
И чай из кружек пили вместе мы.
Под вольный дух осеннего дворянства.

И говорили мы о пустяках.
Соседском покосившемся заборе,
Племяннике, поющем в местном хоре,
О подходящих к солнцу облаках.

И вечер этот длился до утра.
Нам ветер нёс откуда-то приветы,
И мы на них писали бы ответы,
Но не держалось пёрышко в руках.

Душистый чай, пчела вокруг стола.
Так скатерть ослепительно белела.
И нам, поверь мне, не было бы дела
Живой ли я. Была ли ты жива.

Танк

«Я застыл как забытый бой
Пламенеют мои бока
Человек ты узнал меня?
Я – любовь.
Воскресшая на века».
Надпись на гранитной плите под Т-34.

А в июне
В лицо
Снег.
На колени!
Пред-Вечной стеной.
На колени!
На раз – бег.
Впережку.
Время с броней.

Пара гусениц –
Нет рук.
Только смять.
Никогда обнять.
Вонь последних
Земных мук.
Я умею.
Лишь.
Убивать.

Прикоснись –
И ты помнишь все.
Лишь прыжок –
Ты опять здесь.
И навеки –
Лицо твое –
В этот сплав –
В ту святую смесь

С рукояткой.

Сжимай.
Вверх!

И истерикой.
Вдрызг.
Мотор.
Кто сказал,
Что убийство – грех?
Я скажу:
«Любви приговор».

Поцелуй лобовой брони.
В искореженный болью рот.
Я не в силах.
А ты – люби.
В грудь.
В лицо.
Разрывным.
В живот.

Я застрял навсегда –
Ад.
Вместо сердца –
Земля... земля.
Время крутится
Лишь назад.

...Помнишь? Там росли тополя
Как сейчас...

Ты сгорел во мне.

И ты снова со мной.
Тут.
Я – печаль твоя.
По войне.
Я – последней любви
Маршрут.

Я застыл как забытый Бог.
Кинолентой. Среди могил.
Я пойду убивать.
С тобой.
Лишь бы только ты жил.
Жил.